

П. И. НОВГОРОДЦЕВ

<Рецензия>

Георгий Гурвич. Руссо и Декларация прав. —
Идея неотъемлемых прав индивида в политической доктрине Руссо.
Петроград, 1918. 100 стр.

Чрезвычайно интересный очерк многообещающего автора ставит своей целью доказать, что причисление Руссо к сторонникам государственного абсолютизма неправильно и что учение Руссо не противоречит декларации прав, а является ее основой. Прекрасное знакомство с сочинениями Руссо и с обширной литературой, посвященной этому великому политическому писателю, подробный анализ текстов, постоянная проверка традиционных взглядов и полная независимость собственных суждений — таковы достоинства этой небольшой, но весьма содержательной книги.

Автору несомненно удалось доказать неправильность мнения, будто бы «Руссо перенес на народ, в его ничем не ограниченной власти, права абсолютного монарха», так что «абсолютный властитель переименовал в его системе имя, но не свое существо». Этот взгляд в таких именно выражениях сформулированный Иеллинеком¹, упускает из вида, что государство, которому Руссо всецело подчиняет личность, есть государство правовое, само всецело подчиненное общей воле, которая в его системе идей представляет собою постоянную, неизменную и чистую сущность разумного человеческого хотения.

Значит ли это, что учение Руссо не исключает, а, напротив утверждает неотчуждаемые права личности? Этого второго своего вывода автору не удалось доказать по этой простой

причине, что его и нельзя доказать. Неотчуждаемые права по самой своей идее независимы от государства; они принадлежат лицам как таковым, в их противоположении обществу, и общая воля над ними не властна: это именно и значит, что они не отчуждаемы, неотъемлемы. Между тем у Руссо человек подчиняет общей воле «свою личность и всю свою мощь». Это — отчуждение «без остатка», полное и всецелое. Конечно, это не абсолютизм произвола, а абсолютизм права, но все же абсолютизм. Это — абсолютизм правового государства, поглощающего неотчуждаемые права и воздвигающего над ними власть безусловной и отвлеченной правовой нормы. Это — сведение всей жизни к абстрактной норме родового человеческого разума, это — всецелая рационализация жизни, при которой единство, гармония, стройность поглощают разнообразие, особенность, индивидуальность. С этой точки зрения и знаменитая глава о гражданской религии в «Общественном договоре» Руссо не есть случайный придаток к учению об общей воле, а органический элемент этого учения. Ибо и тут для Руссо речь идет только о закреплении общечеловеческих рациональных основ общения, об утверждении общей гармонии, вытекающей из единства и чистоты общей воли и из возможности ее рационального осуществления в жизни.

Автор вменяет в заслугу Руссо, что он устранил дуализм права положительного и естественного, власти и права. Но этот дуализм по существу неустраним, и идея неотчуждаемых прав личности есть одно из выражений этого дуализма. Если у Руссо власть сливается с правом и положительное право с естественным, это ведь равносильно тому, что в его гармоническом синтезе мораль поглощается правом, а личность государством. Автор признает, что Руссо «исходит из недостаточно ясного разграничения между правом и моралью и тем и другим вместе и религиозной верой»² и что синтез Руссо представляется «несовершенным и упрощенным»³. Так самим автором намечаются и вполне правильные линии для дальнейшей разработки его взглядов.

